

тей» — 1924 г. и т.д.), создавались по инициативе государства в качестве вспомогательной структуры, мобилизующей массы на выполнение государственной политики, и их деятельность определялась и направлялась государственными структурами. Таким образом, государство определяло пространство для деятельности массовых обществ. В рамках этого пространства оно указывало четкие направления деятельности с момента создания обществ в начале 1920-х гг., а законодательно закрепило за собой эту функцию только в 1930 г. Так, постепенно с каждым последующим законом об обществах складывался и становился более жестким механизм управления и контроля общественных организаций.

Конституция 1936 г. (ст. 126) подвела определенную черту в формировании понятия «общественные организации», отнеся конкретные организации к общественным: «профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, культурные, технические и научные общества». Основной закон определял для всех общественных организаций общую цель, которая заключалась в «развитии организационной самостоятельности и политической активности народных масс» (Конституция 1936 года ст. 126. С. 29). Для всех общественных организаций было характерным то, что они создавались для определенного вида целенаправленной деятельности. Непосредственные цели общественной организации были связаны с задачей, стоящей перед обществом в целом в 1920-е гг. — построение социалистического общества. Этот факт нашел свое подтверждение в уставах общественных организаций, в советском законодательстве, регулировавшем правовое положение организаций. Эта задача сформулирована в Положении о добровольных обществах и их союзах, утвержденном ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г.: «Добровольные общества и их союзы, являясь организациями общественности самостоятельности трудящихся масс города и деревни, ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны» (СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331).

Законодательство 1920-х—начала 1930-х гг. является важным аспектом в изучении проблем становления и развития общественных организаций. Законодательные акты исследуемого периода, выполняя свою основную функцию, позволяют более широкому пониманию советской общественности и гражданского общества в первые годы советской власти.

И.А. ГРИДУНОВА

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1927–1928 гг. И АЛТАЙСКАЯ ПРОКУРАТУРА

Среди правоохранительных органов ведущая роль в борьбе за законность в 1920-е гг. возлагалась на советскую прокуратуру. Прокуратура в 1922-1927 гг. встроилась в систему советского аппарата, заняла авто-

ритетную позицию. Допускать нарушения закона стало небезопасно для массы начальников. Вместе с тем положения органов прокурорского надзора базировались только на позитивном к ней отношении руководства партии. В случае какой-либо перемены в ЦК реальных рычагов удержать достигнутый уровень у прокуратуры не было.

Оказавшись в кризисной ситуации 1927–1928 г., центральные государственные органы без колебаний пошли на эскалацию административных мер в сфере экономики. Судьба законности, сложившейся в период НЭПа, а также ее проводника — прокуратуры, все в большей степени зависела от партийных решений. В основу регулирования социально-политических и экономических отношений в стране закладываются политические директивы, а не нэповское законодательство.

Попытаемся на примере Алтая выяснить, какие изменения внесла хлебозаготовительная кампания 1927–1928 г. в деятельность прокурорского надзора.

13, а затем и 15 января 1928 г. краевой сибирской «хлебной тройкой» (чрезвычайный орган, обладающий всей полнотой власти в вопросах хлебозаготовок) принимаются решения о наступлении на крупных держателей хлеба по ст. 107 УК за спекуляцию. В эти же дни были определены роли и функции правоохранительных органов. Прокуратуре надлежало обеспечить надзор за правильным выполнением решений, принятых краевой хлебной «тройкой».

Казалось бы, чрезвычайные мероприятия по заготовке хлеба в какой-то мере удавалось вписать в рамки нэповской законности с тем, чтобы чрезвычайщина затронула лишь ограниченный круг граждан. Хотя оставалось еще много неясного, в частности, объемы изымаемого зерна, возможности конфискации другого имущества: домов, скота, сельскохозяйственных машин, инвентаря и т.д.

На заседании «хлебной тройки» 18 января 1928 г. И.В. Сталин, прибывший в Сибирь, изменил уже разработанный порядок осуществления чрезвычайных мероприятий по заготовке хлеба. Согласившись с применением ст.107 УК, генсек потребовал осуществлять ее применение от имени прокуратуры и прокурором, поскольку крестьяне доверяли и уважали именно прокурора (ГАНУ, ф. 20, оп. 2, д. 99, л. 110).

Таким образом, органы прокуратуры превращались из надзора в исполнительные. Прокуратура оттиралась на вторые, несамостоятельные позиции, свою работу она теперь должна была соизмерять с решениями директивных (партийных и советских) органов, часто не основанными на законе.

Для того чтобы приструнить прокуроров, а заодно и судей Сибири, сделать их послушными исполнителями чрезвычайных директив, И.В. Сталин грубо обвинил сибирских прокуроров и судей в тесных связях с антисоветскими, кулацкими элементами и в неспособности проводить в жизнь советскую законность. «Я видел несколько десятков пред-

ставителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для Советского государства», — заявил Иосиф Виссарионович (Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., Полит. издат., 1949. С. 3–4).

Газета «Известия ЦИК» писала: «Формализм прокуратуры доводит дело до абсурда...». Местная газета «Красный Алтай» обвинила прокуратуру в отсутствии «гибкости в применении нашей классовой политики» (ГАНУ, ф. 20, оп. 2, д. 181, л. 73). Дискредитацию органов прокуратуры продолжили работники партийных организаций. Так, секретарь ОК ВКП(б) Нусинов на одном из совещаний заявил, что «прокуратура не перестроилась на новые рельсы работы», «прокурор мешает работать, подходит к делу формально», «инициатива у прокурорских работников притуплена» (ЦХАФ АК, ф. 113, оп. 3, д. 343).

Подобные нападки на органы прокуратуры достигали своей цели. Авторитет прокуратуры был подорван, что существенно осложнило ее деятельность. Барнаульский окружной прокурор Попов писал: «Такое направление печати дает повод худшим администраторам не только игнорировать законность, но и совершенно не считаться с требованием прокуратуры» (ГАНУ, ф. 20, оп. 2, д. 181, л. 73).

И действительно, с требованием прокурора считались далеко не всегда. «Мне лично из Ребрихи уполномоченный Брюховецкий приказал, что «если будешь требовать от РИКа различных запросов, я буду доносить на тебя в Окружком. Я приказал РИКу не отвечать на твои запросы» и, действительно, ни РИК, ни Нач. РАО ответов на мои запросы не шлют», — общал в Барнаул участковый прокурор Бабин (Там же, л. 110).

Более того, по мнению партийных органов, надзорная работа прокурора в условиях хлебозаготовок становилась ненужной. Секретарь райкома Верходубов приказал участковому прокурору Хохлову в качестве уполномоченного ехать в деревню. Последний отказался, объяснив это тем, что «мое дело — надзорная работа, что обслуживаю три района, оставить работу надзора значит закрыть двери прокуратуры». На что Верходубов ответил: «Я приказываю ехать в деревню, ты должен подчиниться» (ЦХАФ АК, ф. 113, оп. 3, д. 343, л. 19). Объясняя окружному прокурору причины конфликтной ситуации, Хохлов писал: «Диктатура Верходубова меня поразила, он не признает никаких работ по советской линии, все райкому, все на хлебозаготовки» (Там же, д. 345, л. 38). Итог конфликта — снятие Хохлова с работы по партлинии. Этот случай не единственный. Подобное произошло с участковым прокурором Виженковым (Там же, д. 336, лл. 88–92), нарсудьей Маркеловым. Данные факты приводили к перебоям в работе органов юстиции (ГАНУ, ф. 20, оп. 2, д. 181, л. 72).

Работу окружных и участковых прокуроров осложняло то, что краевая прокуратура предоставляла «запоздалые директивы и распоряжения», зачастую информация совершенно отсутствовала. Приходилось пользоваться «посторонними сведениями ГПУ и даже Окр. Ф.О.» (Там же, л. 73 об.). Бийский окружной прокурор Никитин писал: «мы не имеем критерия определяющего рамки работы. Отсюда происходят недостатки и, несомненно, в этом допущена ошибка со стороны краевых органов» (Там же, д. 182, л. 139). «Я не знал как нужно проводить эту кампанию, со стороны Окрпрокурора не было дано особых указаний. Всю работу необходимо было увязывать с Райкомом ВКП(б), а меня ни на одно из заседаний Бюро РК ВКП(б) не впустили» — сообщал прокурор участковый прокурор Неволин.

И все же, несмотря на трудности, прокурорские работники следили за законностью проведения хлебозаготовительной кампании. Участковые прокуроры сообщали в округа о серьезных нарушениях (Там же, д. 181, лл. 110–11 об.; д. 182, лл. 135–139 и т.д.). Но только когда формы нажима при проведении хлебозаготовок стали затрагивать интересы всех слоев крестьянства, а не только кулаков, когда крестьяне ответили на произвол актами сопротивления, крайком и краевая «тройка» вспомнили о документах прокуратуры, сообщавших о наиболее одиозных и грубых случаях нарушения законности.

А таких было предостаточно. В конце января и в течение февраля краевая прокуратура направила в крайком целый ряд документов (доклады, представления, тезисы) о различных фактах попрания законности на местах, Директивы крайкома и «тройки», подготовленные на основе этих документов, призывали не допускать перегибов.

Таким образом, можно сделать вывод, что кампания по хлебозаготовкам 1927–1928 г. внесла серьезные коррективы в деятельность органов алтайского прокурорского надзора. Если в 1922–1927 гг. в основе работы прокуратуры лежали законы и изданные на их основе иные узаконения, судебная практика, ведомственные указания и инструкции, то в последующие годы стали преобладать решения партийных и советских органов в соответствии со стоявшими политическими задачами.

Т.А. ПРИВАЛОВА

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ МВД г. ИРКУТСКА И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И БОРЬБА С НИМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Одним из самых распространенных видов преступлений до настоящего времени считается превышение должностных полномочий. И, к сожалению, органы внутренних дел, призванные обеспечивать «крими-